Дмитрий Цымбал-Ерохин

ГЛУБИНА

Annotation

Мир теснится в корпусе старого корабля, который никогда не сдвинется с вечной стоянки посреди ледяной пустыни. Но подо льдами, где во тьму столетиями не вторгались солнечные лучи, ветшают руины Старого Мира. Лишь единицы из жителей корабля знают, что творится на глубине.

- ○ Глава 1

Глубина

Глава 1

Дыхание замирало перед нарастающими ударами тяжелых сапог, отзывавшихся эхом в коридорах древнего корабля. Грохот извещал о приближении прославленного морского охотника. Из-за занавесок в проемах маленьких комнат высовывались бледные и иссушенные солью лица, с замиранием наблюдавшие как мимо их жилищ, в которых ютилось по пять-шесть человек, шагает широкоплечий высокий мужчина с гордо поднятой головой.

Если холод помещений проржавевшего судна и подавлял человеческую силу, то ему был неподвластен Лазар, внутри которого пылал живительный огонь. Своим присутствием он передавал искры жаркого огня изможденным соплеменникам, отчего те восхищенно тянулись к охотнику из раза в раз. Ответного взгляда голубых глаз никогда не покидал гордый вызов. Знали бы обитатели Последнего Очага, кто такие львы, говорили бы о нем, как о царе зверей, сравнивая свою участь с травоядными.

Наслаждение одиночным парадом прервал тот, кого Лазар презирал всей душой. Вылезший из-под лестницы скрюченный старик в лохмотьях, источая тошнотворный смрад годами немытого тела, будто пьяный зашатался на пути морского охотника. Из-под копны слипшихся волос гнусавил голос:

– Хозяин Пучин, он под нами, дитя. Он под нами…

– С дороги, мразь! – взревел Лазар, хватаясь за длинный нож на поясе-цепи.

Подействовало безотказно. Зловонный безумец подобно пауку заполз под лестницу и скрылся во тьме вентиляционных шахт, где обитал и перемещался последние тридцать лет после того, как сошел с ума на морском дне. Он часто доставлял механикам хлопоты, ползая по турбинной, гребному валу и технических ходам, выпрыгивая из темноты с безумной тарабарщиной.

«Если бы не Совет старейшин, – думал Лазар, унимая яростную дрожь рук. – Я бы давно избавил Последний Очаг от бесполезного старого безумца». Прерванный в величественном марше на глазах собравшихся, мужчина с хмурым видом явился в рубку, где находилось

жилище старейшины Хонта. Здесь заканчивался вездесущий холод тесных коридоров и началось благодатное тепло, поднимавшееся от чугунных печей. Лазаря встречал низенький седой старичок, избранный в Совет от касты морских охотников, который вместе с двумя старейшинами от механиков и каюров[1] правил Последним Очагом – страной на руинах Старого Мира, представленной навечно вставшим в полуразрушенных доках судном «Левиафан».

– Как ни взгляну, ты вечно хмур, Лазар, – проскрипел скряга-старейшина, горбясь за маленьким изъеденным ржавчиной как и все вокруг металлическим столом. – Чем ты недоволен в этот раз?

– Безумным Грендом, – отозвался мужчина, без приглашения усаживаясь на скрипучий диван, ощущая, как оживают онемевшие пальцы рук. – Тридцать лет, несмотря на нечеловеческие условия, он умудряется выживать в грязных туннелях, когда другие наши сородичи гибнут от холода и болезней.

– Прояви уважение к юродивому собрату, – наставительным тоном произнес Хонт. – Ты ещё не родился, когда он слыл смелейшим и опытнейшим морским охотником Последнего Очага, и у него были все шансы восседать в Совете вместо меня.

– Я знаю эти рассказы. И знаю, что они в прошлом, – раздраженно бросил Лазар. –В настоящем, лучший охотник – я.

– Но ты видимо не знаешь, что то, что свело Гренда с ума, до сих пор обитает в глубинах.

– К делу, старейшина Хонт.

У Лазаря не было желания касаться старинных верований о Хозяине Пучин – гигантском монстре, властвовавшем в морских безднах под льдами. Тридцать лет назад Гренд якобы встретил чудовище во время погружения и обезумев, боялся с тех пор воды, как дерево огня, из-за чего отказывался даже мыться.

– Провизия подходит к концу, – тихо изрек Хонт, ковыряя длинным ногтем рыжий налет на столешнице. – Ловушки на дне заждались.

– Косяк клыкачей в это время близок и высок риск, что они обчистили верши[2]. Пусть ищейки пустят своих псин с упряжек под нож – толку от них немного.

– Не начинай, Лазар, – старик резко возвел свои блеклые очи на гостя. – Каждая каста Последнего Очага вносит вклад в великое дело.

Он поднялся из-за стола и согбенно зашаркал к мутному иллюминатору, через который в комнату просачивался тонкий луч бледного света. За покрывшимся паутинкой зимних узоров толстым стеклом белела морозная пустошь. На много миль от Последнего Очага простиралось заледеневшее море с одной стороны, и заснеженные степи – с другой. Днем в этом пейзаже не находилось ни одной крупицы, способной пленить взгляд. Но ночами далеко на юге загорался свет – Маяк Надежды, как называли его обитатели Последнего Очага. Бесконечно далекое и недостижимое светило, ибо никому не удавалось добраться до него по льдам. Оно будоражило умы жителей «Левиафана». Что таилось в тех далях? Чем был этот ночной свет? Эти вопросы сплотили касты Последнего Очага в стремлении починить корабль и разбивая льды направиться к Маяку Надежды. Мечта, преследуемая не одним поколением, превратилась в религию без четких догматов.

– Ты хочешь отправить меня одного проверять рыбьи ловушки, – констатировал Лазар, вгрызаясь взглядом в сутулую спину старейшины, дивясь тому, что когда-то этот полутруп также, как и он, спускался на морское дно и носил тяжелый скафандр.

– Кого как не лучшего морского охотника Последнего Очага мне посылать? – спросил Хонт, усмехнувшись потрескавшимися губами. – Не откажешь ведь главе своей касты в спасении страны?

– Сделаю это, чтобы не подохнуть самому.

Лазар встал с дивана, который издал скрипучий стон. Старейшина, привыкший к вызывающему поведению морского охотника, проводил уходящего молчаливым взглядом.

Спустя час, находясь в просторной комнате, которую он делил с женой и сыном, Лазар облачался в кожаные куртку и штаны, отороченные собачьим мехом. Нада неспешно одевалась, не скрывая покрывшуюся мурашками наготу перед семилетним Матэем. Морской охотник никогда не стеснялся предаваться утехам в присутствии сына, ограничиваясь закрытием кроватной ниши тонкой шторкой. Когда ему предстояло спуститься на морское дно, он брал Наду как в последний раз. Она никогда не противилась Лазару не только в постели, но и в жизни. Всегда была кротка и послушна. Не оспаривала она и предвзятого отношения к их сыну. Светловолосая Нада носила ту же печать, какую и все жители Последнего Очага – кожа её была суха от

холода. Целуя её, он всякий раз чувствовал вкус морской соли, осевшей на губах. Но даже шелушащаяся кожа на щеках и лбу с белым налетом не заглушали светлой красоты молодой девушки. Она была лучшей из всех и по праву досталась лучшему уроженцу Последнего Очага, как считал Лазар.

– Чего мешкаешь, Матэй? – резко бросил охотник, застегивая пояс. – Бери гарпун!

– Простите, отец, – пролепетал светловолосый мальчишка, едва удерживая тяжелую ношу в своих непомерно худых ручонках.

– А ты вымойся к моему возвращению, – приказал Лазар Наде.

– Непременно, любимый, – покорно ответила девушка, не осмеливаясь заглянуть в холодно-голубые глаза мужа. – Я буду ждать тебя.

– Конечно, будешь, – ухмыльнулся морской охотник, проверяя закрепленный на цепи нож. – Ведь иначе тебе с этим балбесом нечего будет есть.

С Матэем он вышел из просторной комнаты, доставшейся ему по праву лучшего, в то время как механики и каюры семьями в три поколения томились в тесных коморках корабля. Единственной отрадой было тепло от тесноты, которое ценилось на Последнем Очаге наравне с горячей рыбьей похлебкой. Мальчишка с тяжелым гарпуном едва поспевал за широкими шагами отца. Подбитые гвоздями ботинки вновь отбивали набат, скликая обитателей «Левиафана» посмотреть на бесстрашное шествие Лазаря к Морским Вратам.

В семьях морских охотников издавна жила традиция, по которой сыновья провожали отцов к месту, где с корабля можно было спуститься прямиком на морское дно. Лазар хорошо помнил, как нес гарпун отца и помогал ему облачиться в скафандр. Каждый раз это был своего рода ритуал передачи промысла по наследству, ибо случалось, что морские охотники не возвращались с погружений. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как отец Лазаря пропал в море. Сейчас же, глядя на мельтешившего Матэя, у которого все вечно валилось из рук, он дивился тому, что этот тощий мальчишка когда-нибудь займет его место. Ребенка не сгубила хворь, перенесенная в детстве, не уничтожил вездесущий холод и недоедание. Но Лазар отказывался верить в то, что Матэй вырастет достойной заменой.

«Бесполезность для общества – худшее, что может быть в Последнем Очаге» – говорил Лазарю отец. И с этим убеждением Лазар вырос и жил. Бесполезными он считал каюров с собачьими упряжками, тащившие хлам из заснеженных руин Старого Мира на «Левиафан». Бездарностью виделись ему задумчивые механики, безвылазно ковырявшиеся в недрах «Левиафана». Лишь те, кто занимался починкой подводных скафандров, зарядкой дыхательных баллонов и фонарей, не вызывали у Лазаря презрения и заслуживали звание ценных мастеров, наравне с морскими охотниками. Обе касты он обвинял в имитации бурной деятельности, тогда как, по его мнению, безоговорочную пользу приносили обществу морские охотники, поднимая со дна верши с рыбой и крабами для похлебки. И ради общего блага охотники подвергали себя реальной опасности, рискуя заплутать во мраке морской бездны и задохнуться или быть разорванными клыкачами.

Лазар был убежден, что когда-нибудь станет старейшиной Совета и сломит закостенелый уклад страны. Раз уж одна каста приносит реальную пользу, то и править Последним Очагом должен один старейшина из её рядов. Уж он-то растолкует людям истинные цели, посвященные выживанию и приумножению блага. Пресечёт разорительные жертвования ресурсов на бессмысленные поиски хлама и воплощение утопии, диктуемой культом обезумевших стариков Совета. Никогда обрюзгший на льдах «Левиафан» не покинет доков. Не достигнуть ему Маяка Надежды. Помятые тоннами льда стены корабля одолевала ржавая проказа и ему не светило ничего, кроме пожирания холодом изнутри, когда бреши в обороне от морозов станут слишком велики. Целью выживания Лазар ставил донести это до умов соплеменников любым возможным способом. Пусть даже если правду придется вбивать лезвием ножа в глотку.

Уже сейчас жители Последнего Очага смотрели на бесстрашного Лазаря с восхищением, ведь не единожды он спасал страну от страшного голода. Другие морские охотники преклонялись перед его успехами и мастерством, бросавшими тень на вянущего Хонта и Совет. Нужно было дождаться лишь смерти старика, а она, судя по его внешнему виду, уже топталась на пороге.

Лазар верил в то, что сможет подарить своему народу лучшую жизнь. С той лишь оговоркой, что её будут достойны полезные и

незаменимые для общества люди. Бездарность же будет изгнана или уничтожена, их имущество отобрано и поделено. При этих мыслях морской охотник невольно взглянул на протянувшего ему шлем Матэя. Громоздкая медно-резиновая конструкция едва обхватывалась трясущимися маленькими ручонками мальчишки, смотревшего на отца широко раскрытыми голубыми глазами. В этот миг Лазар понял, что притесняемый им сын гордится родителем. «Даже неудачная копия восхищается моими заслугами, – пронеслись в голове мысль. – Лишь старейшины противятся моей значимости».

С другой стороны, Лазар презирал все, что его окружало. Морскому охотнику претили замкнутые помещения Последнего Очага, ставшие для многих поколений склепом. Люди бесславно жили и умирали в полумраке и холоде, не оставляя о себе воспоминаний. Изо дня в день видеть одни и те же лица, слышать одни и те же разговоры, вдыхать запах вываренных рыбьих потрохов, морской соли и ржавчины Лазарю было тошно. Жизнь здесь застыла подобно льдам снаружи. Он метнул взгляд на Морские Врата – лебедка, установленная над чернеющей водой брешью, уводящей на дно. Под толщей льда и темной глубины, облачившись в скафандр и вооружившись гарпуном, Лазар чувствовал себя на своем месте. Пусть там на каждом шагу подстерегала опасность, а в окружающем мраке плавали клыкачи, морской охотник видел в царстве нерушимой тишины недостижимую человеком свободу. Если бы люди могли дышать под водой, им не пришлось бы ютиться на ветшающем корабле.

Лазар облачился в подводный скафандр. Он проделывал это множество раз и всякий испытывал тревожное ощущение, будто делает это в последний. Кислородный баллон отяжелил громоздкую конструкцию. Теперь мир виднелся через толстые иллюминаторы неподвижного шлема, а дыхание разносилось эхом внутри костюма. Пахло сухой резиной. В скафандре человек становился выше, крупнее и неповоротливее, но приобретал защиту от опасностей глубин.

Матэй подал фонарь и запрокинул голову, его взгляд заскользил в попытках охватить необъятный силуэт отца. На плечо мальчика легла увесистая родительская рука, под которой он едва не рухнул. Часть древнего обычая: безмолвное прикосновение морского охотника к наследнику, что продолжит дело в случае его гибели. Провожать

Лазаря к Морским Вратам всегда собирались все охотники, кроме старика Хонта. «Может не стоит ждать, когда он уступит мне место старейшины по естественным причинам» – мелькнула мысль, когда Лазарь смотрел через иллюминаторы на две дюжины крепких и закаленных мужчин своей касты. Когда он вернется и насытит жителей Последнего Очага, можно всерьез заняться скорейшим занятием власти в стране.

– Папа… – сорвалось с губ Матэя, но Лазар этого уже не слышал.

Гремя тяжелыми ботинками по рыжей решетке, резиново-металлический гигант направился к бреши корабля, уводящей в подводной царство. Морские Врата. Соплеменники касты, механики и маленький сын смотрели вслед опускавшемуся на лебедке в черную воду морскому охотнику с тем же трепетом, с каким близкие наблюдают за опускающимся в землю гробом.

***

Неподвижный мрак глубин обступил морского охотника. Холодная, слепая завеса, подавляющая звуки. Давящая со всех сторон вода – и ничего другого кругом. Только вода – темная, тяжелая и ледяная. Именно так должно быть выглядит смерть. О том, что Лазар принадлежал миру живых напоминал фонарь. Растворяющийся в темноте луч и расползавшееся вокруг пятно света вступали в неравное противостояние со мглой бездны. Высоко над охотником распростерлась нерушимая ледяная кора, не пропускавшая лучей света через свою толщу. Наверху влачили жалкую жизнь убогие обитатели «Левиафана». Но здесь, на дне скованного моря покоились величественные руины Старого Мира. Древний Ис, как называли его морские охотники, уже и не помнившие, кто из предков дал утонувшему городу такое название. Каждый раз, приближаясь к гигантским каменным пилонам, аркам и сводам, Лазар замирал перед величеством человеческого прошлого.

Сейчас он стоял перед высокой ржавой конструкцией с древними литерами[3]. Их значения он не знал, а само сооружение видел уже не впервые, но не переставал дивиться громадному изваянию рухнувшей цивилизации. «Левиафан», оставшийся стоять на льдах в полуразрушенном доке, приходился лишь крупицей от ушедшего на морское дно Старого Мира. Призраками гигантских построек былое величие людей выплывало в лучах фонарного света. И виды Древнего

Иса подкармливали презрение Лазаря к укладу Последнего Очага. Безумцы Совета, самообманывающиеся глупым культом обитатели страны, ютящиеся на рассыпающемся корабле и хоронящих бледных словно воск младенцев, бездари и нахлебники – все это тень того, что застыло на морском дне.

Лазар был единственным, кто посещал Древний Ис. Среди морских охотников это место пользовалось дурной славой. Они избегали его, опасаясь разрушений, которые проходили в погребенных под морем зданиях, запутанности городских улиц, и косяков клыкачей наведывающихся в руины. С давних пор морские охотники верили, что там, где хищных рыбин в избытке, поблизости находится Хозяин Пучин. Безумец Гренд, якобы видевший его, для всех был живым подтверждением правдивости легенды. Лазар же всегда называл это нелепицей, подмечая, что места, где орудует большое количество клыкачей, опасны не из-за пребывания легендарной бестии, а самим множеством хищных рыб.

В Древнем Исе Лазар пожинал прославившие его щедрые уловы. Серебрянки, сайки, макрурусы, белокровные щуки, плосконосы и крабы в избытке крутилась в руинах утонувшего города. Охотник рисковал, забредая сюда и расставляя верши, но каждое его возвращение кормило жителей Последнего Очага всю следующую неделю. Хватало бы и на дольше, если бы Совет старейшин не отдавал еду каюрам и их псам. В это погружение сердце Лазаря грели мысли о скором конце, который он положит мракобесию в Последнем Очаге.

В путешествиях по морскому дну охотник ориентировался по составленной в голове за годы погружений карте. Каменные глыбы, рифы, руины Старого Мира – все это было ему знакомо и складывалось в ветвистую цепочку маршрутов, по которым он брел в густой тьме от одного ориентира к другому. На юге от Морских Врат исследуемое дно обрывалось гигантской впадиной, ставшей пристанищем сотням легенд морских охотников. На севере простирался Бурый лес высоких водорослей, столь густых, что в нем было запросто заблудиться. На востоке лежал Древний Ис, которому не было конца и края. А на запад тянулось несколько миль однотипного подводного ландшафта, постепенно поднимавшегося ко льду на поверхности. Дно кучно покрывали покачивающиеся словно травяные луга водоросли, среди которых целыми островками

разрастались пестрые цветы, колыхающие вместо лепестков щупальцами. Между ними медленно парили мелкие рыбешки, но стоило им завидеть приближающийся свет, как они рассыпались по укрытиям.

Первая верша с добычей находилась в ржавом остове древнего механизма, застывшего на широкой улице Иса. Лазар мог описать их как коробки с окнами и дверями, имеющие разные формы и размеры. Просторные аллеи утонувшего города были плотно забиты реликтовыми конструкциями, преграждавшими проход. Забирая вершу, приходилось всякий раз относить её к лебедке Морских Врат и возвращаться в руины за остальными ловушками.

На втором заходе морской охотник зашел глубже в город в поисках полуразрушенной башни. За ней в переулке Лазар в прошлое погружение расставил сеть на прожорливого клыкача! Хищные рыбины были главным лакомством верхов Последнего Очага. За одиннадцать лет занятием опасным промыслом, Лазар изловил и притащил на «Левиафан» две дюжины двухметровых зубастых бестий. Он не стремился завоевать почет старейшин или соплеменников. Ему самому льстило поедание тех чудовищ, которые нередко питались морскими охотниками. После таких уловов, сидя за одним столом с правителями Последнего Очага, он, пережевывая зажаренные куски рыбины, гадал, не она ли пожрала его отца?

Но завернув за угол, Лазар был оглушен отсутствием искомого. В свете фонаря поблескивали крючья на краях разорванной сети. Клыкач утащил заодно и садок с приманкой. Черная злоба клекотом отозвалась внутри морского охотника. На этот трофей он возлагал большие надежды. Идя к переулку с ловушкой, Лазар уже нарисовал в воображении картину того, как он вручит членам своей касты тушу клыкача, демонстративно не желая передавать её на стол Совету. И над хищной рыбиной он произнес бы речь, которая приковала бы сердца морских охотников к здравым идеям. Глубинный хищник не попавшийся в западню Лазаря, вынудил отказаться от торжественной обстановки перед началом мятежа, который мог стать легендой для будущих поколений.

Морской охотник заспешил к следующей верше, которая находилась всего в сотне шагов на соседней улице Древнего Иса. Из темноты одна за другой выплывали знакомые детали, оповещавшие о

правильности пути. Лазар смело продвигался через руины пока в фонарном луче не блеснула чешуя. Кружок света проскользнул по длинному телу. Сердце мужчины замерло вместе с ним. Холодный страх из непроглядного морока закрался под душный скафандр и дрожью вгрызся в кости Лазаря. Клыкач – а это был несомненно он – проплыл перед самым носом охотника. Лазар глянул в верхние иллюминаторы шлема и вскинул луч фонаря, опасаясь атаки хищника с этого направления. В неподвижной черной толще, нависавшей на над ним, морской охотник ничего не увидел. Тогда он неуклюже обернулся, но и там обнаружилась лишь тревожная пустота. Переведя дух, Лазар продолжил путь чаще озираясь по сторонам.

До верши оставалось всего несколько шагов, когда из темноты на Лазаря вылетела огромная рыбья морда. Из-под раздутых валиком губ вырастал ряд острых зубов. Мужчина встретился взглядом с черными неподвижными глазами клыкача, в которых бельмом отражался фонарный свет. Резким движением морской охотник выставил вперед гарпун. Острие ткнуло рыбину в нос, и та исчезла в черноте. Потеряв из виду клыкача, Лазар прижался спиной к каменной глыбе и четверть минуты безрезультатно выискивал бестию лучом фонаря, опасаясь удара в спину, если тронется с места сейчас.

Морской охотник заставил себя продолжить путь, но от недоброго предчувствия в нутре будто шевелились угри. Пятно света пало на нужный остов реликтового механизма. Но вместо полной серебрянок и макрурусов верши, Лазар обнаружил искореженную клеть, лениво катавшуюся по дну – морские бестии нашли её раньше. Две испорченные ловушки при хоть и одной, но полной верше – это даже хороший исход дела для морских охотников. Но Лазарю, да и населению Последнего Очага, этого было мало. Мог ли он по возвращении в «Левиафан» со скудной добычей оспаривать власть Совета старейшин и заручиться поддержкой охотников? Очевидно, что нет. Может на то и рассчитывал Хонт, посылая за безнадежным уловом? Возможно старик догадался о намерениях Лазаря и решил окунуть его лицом в грязь, а уж народ быстрее забывает прошлые заслуги, когда видит нынешнюю неудачу.

В голову Лазаря закралась мысль о малодушии, проявленном при столкновении с клыкачом. Воображение нарисовало ему картину победоносной схватки, которой он из глупости избежал. Вернуться с

трофеем, добытым в бою, было бы отрадно в первую очередь самому Лазарю.

Даже такую отчаянную ненависть морской охотник способен был похоронить под коркой льда холодного расчета. Он понимал, что задержался в Древнем Исе. Новая встреча с клыкачом могла окончиться иначе. Спеша к Морским Вратам, освещая фонарем путь по коварному дну, Лазар строил новый план по смещению трех старейшин. В грузном костюме ему приходилось преодолевать частые преграды в виде валунов, упавших балок и зарывавшихся в песок остовов. За годы ремесла он привык к утомительным переходам по морскому дну, но в этот раз ему казалось, что утонувший город возвел на пути особенно много препятствий. Натыкаясь на рифы, на множество ржавых механизмов, вытянувшихся хвостами вдоль улиц, и на каменные постройки, морской охотник задался вопросом, а бывал ли он здесь раньше? И ответ стал жутким открытием. В размышлениях о перевороте, а может и в остатках страха, Лазар не заметил, как забрел в неизведанную часть Древнего Иса. Его постигла участь которой боялись морские охотники, избегавшие руин Старого Мира – он заблудился.

Оглянувшись, он не нашел верного пути. В скупом освещении вырисовывались хаотичные тропы между древними конструкциями, валунами и рощицами водорослей. Все было незнакомым и одинаковым на вид. Лазар ощутил, как на него вместе с тоннами воды давит тревога. Без привычной почвы под ногами он превращался в растерянного и беспомощного мальца среди бескрайних просторов подводного царства. Теперь мужчине казалось, что тьма стала чернее, а свет фонаря предательски ослаб.

Морской охотник осторожно зашагал обратно. Он знал о коварности лабиринта руин Старого Мира. Понемногу, не замечая, как смещаешься на шаг или два, ты уходишь в другую сторону. И так продолжается до рассеивания иллюзии о правильности пути. В момент осознания становится поздно что-либо менять – человек забредает в дебри, из которых нет возврата. Но бездействие тоже не могло помочь – никто из «Левиафана» не ходит на поиски пропавших. Лазар убеждал себя самого в том, что ему удастся выпутаться из передряги. Он настойчиво отгонял мысли о страшной кончине. Задохнуться, когда в

баллоне закончится кислород, или быть сожранным клыкачами, что из этого страшнее?

Эти размышления прервал вторгшийся в шлем скафандра гул и море начало вскипать, вздрагивая от импульсов из глубин. Даже через водолазное снаряжение Лазар почувствовал, как все вокруг пришло в движение. Взгляд бегал по иллюминаторам вслед за лучом фонаря, ища причину волнения, но она тайной утопала во мраке. Несколько раз в пятно света попадала поблескивающая чешуя серебрянок, белокровных щук и скользкие громады клыкачей. Это вскормило новые ростки страха и закрутило внутренности морского охотника. Обитатели подводного царства уплывали и Лазар, как бы не хотел того, осознавал причину происходящего. Перед глазами на несколько секунд всплыл образ безумного Гренда. «Он под нами, дитя. Он под нами…» – заговорил старик.

Не желая превращаться в нового вонючего безумца, морской охотник бросился вперед, выжимая из себя оставшиеся силы, насколько это позволял сделать громоздкий костюм. Вода содрогалась в преддверии прибытия Хозяина Пучин из слепой черноты. Хоть Лазар не видел его, он готов был поклясться, что ощущает, как легендарное чудовище поднимается из впадины и плывет именно за ним. Мужчина спешно перебирал ногами, не разбирая дороги. Вокруг трещали и обсыпались руины Иса, рискуя погубить беглеца. По ноге стекла теплая струйка, наполнив скафандр стойким смрадом и отзываясь хлюпаньем при каждом шаге.

Лазар и не заметил, как ворвался в сеть водорослей Бурого леса. Они липли к иллюминаторам, обвивали руки и ноги, цеплялись за скафандр. Морской охотник отстранял их, рвал и устремленно пробирался вглубь, лишь бы затеряться от пристального внимания Хозяина Пучин, которое почему-то было приковано к нему одному. Пришлось бросить запутавшийся в водорослях гарпун. А затем море неистово всколыхнулось. Лазар выпустил из рук фонарь и изо всех сил схватился за охапку бурых растений, вздымавшихся вверх на метров тридцать.

Хозяин Пучин проплывал прямо над ним, вырывая водоросли. Лазар по-прежнему не видел чудовище, но различал его присутствие через звенящий от дрожи скафандр. Ещё немного и водолазное снаряжение грозило пойти трещинами. Тело ходило ходуном в такт

яростно забившемуся сердцу, а зубы до боли заскрежетали друг о друга. Задержись Хозяина Пучины над ним на минуту дольше и Лазар расстался бы с последними крупицами рассудка, как и Гренд. Но раньше, чем он захлебнулся от дикого ужаса, гул стих в отдалении – чудовищный гул уступил месту вернувшейся тишине.

***

Неподвижный мрак глубин обступил морского охотника. Холодная, слепая завеса, подавляющая звуки. Давящая со всех сторон вода – и ничего другого кругом. Только вода – темная, тяжелая и ледяная. Скоро Лазарю предстояло узнать, действительно ли так на самом деле выглядит смерть. О том, что он принадлежал миру живых напоминал фонарь, луч которого падал на старый заржавевший водолазный шлем, где поселился краб. Остальные части скафандра терялись в густо поросших бурых водорослях. Старое облачение выступало надгробием другому морскому охотнику, чье тело давно растащили подводные обитатели. Лазар ждал такого же конца сидя на каменной глыбе напротив останков собрата. Найдя его, он гадал, кем мог быть этот бедолага, припоминая не вернувшихся товарищей. Знал ли он его? А может перед ним родной отец?

Хозяин Пучин давно уплыл и Лазар растратил все силы, но так и не выбрался из Бурого леса. Скафандр стал непомерно тяжел крепкому телу, которому ощутимо не хватало воздуха. Тот стал спертым, а от стоящей в сапогах мочи ещё и зловонным. Морской охотник мог только порадоваться, что никто в Последнем Очаге не будет знать обстоятельств его позорной гибели. Сидя в чащобе морского леса возле останков соплеменника, Лазар покорно ожидал конца.

Впервые за всю взрослую жизнь мысли были свободны от великих, но теперь кажущимися такими мелочными, идей становления нового порядка, свержения трех старейшин Совета и изгнание каюров с большей частью механиков. Теперь это казалось бессмысленной тратой времени, которого ему было отпущено не так уж много. Старейшина Хонт оставил за плечами семь десятилетий, а Лазару не суждено было увидеть четвертого. Ему суждено было скончаться на морском дне, недалеко от руин Старого Мира, которыми он всю жизнь восхищался и эта мысль, неожиданно для самого Лазаря, успокаивала в предсмертный час.

Может станется так, что память о нем будет жить дольше одного поколения, как это было заведено в Последнем Очаге. По крайней мере сын будет чтить отца, которым он так восхищается, несмотря на предвзятое к себе отношение. Матэй. Впервые имя мальчика нашло живой отклик в сердце Лазаря. В воспоминаниях, словно из-под вековой пыли, предстал радостный момент, когда он впервые взял на руки розового младенца. Как он восторженно тогда смотрел на своего наследника. Что же переменилось с тех пор? Гордость достижениями затмила взор и бросила тень презрения на собственного сына? Почему эти светлые чувства доселе были погребены невежеством и предвзятостью к мальчику, выполнявшему любую прихоть отца? Неужели добрыми чувствами к Матэю Лазар проникся за жизнь лишь дважды: при его рождении и на пороге собственной смерти? Ни об одном из эпизодов сын никогда не узнает.

Быть может впервые в жизни легендарный охотник Последнего Очага смог признать свою неправоту, но делал он это перед самим собой и рыжим скафандром неизвестного собрата по касте. Лазар каялся вслух, слыша собственный голос, гулко ударявшийся в зловонном скафандре. Где-то в речи звучало раскаяние, а где-то откровенные оправдания. Каждое слово одинокой исповеди становилось слабее предыдущего – воздух заканчивался, легкие рвались, но ещё столько всего нужно было сказать черной глубине, бурому лесу и неподвижному крабу в старом шлеме. Он знал, что не успеет обмолвиться о Гренде, Хонте, Совете и о верно ожидавшей его возвращения Наде. Однако перед ними он не думал каяться, не в силах изменить своему характеру даже перед кончиной. Только Матэй – его сын, кровь и наследник – заслуживал последних слов, которым смертник почему-то придавал смысл, ведь на деле это была пустая болтовня задыхающегося человека.

Луч фонаря ещё долго освещал ржавый шлем, настораживая поселившегося в нем краба. Пятнышка света в беспроглядной тьме хватило гораздо дольше, чем воздуха в скафандре, навечно оставшемся на морском дне.

[1] Погонщик собак, запряженных в нарты (узкие сани)

[2] Каркасная ловушка для рыб

[3] Буквы